

УДК 930.2+241.521 DOI: 10.21146/1606-6251-2025-3/4-193-209

И. М. Угрин

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОГО МИРА И ДУХОВНЫЕ СМЫСЛЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

***Аннотация:** В статье представлен философский анализ идеи справедливого мира в контексте противостояния СССР и фашистской Германии как одного из духовных ресурсов великой победы советского народа. Справедливость рассматривается как одна из ценностей, позволяющих найти смысл в ситуации предельно острого экзистенциального выбора. Патриотизм и ценность справедливости полагаются находящимися в тесной взаимосвязи друг с другом.*

Справедливый мир есть одновременно и идеал, и действительность, обнаруживаемые в процессе достижения идеала. Идея, способная задать большой вектор для исторического движения народов, в качестве которой ранее выступал коммунизм, не только возможна, но и необходима в современности. Новые победы, новые успехи не могут быть достигнуты без возвращения идеального, утрата которого равносильно утрате человеческого. Учитываемые стоящие перед российской цивилизацией вызовы, идея справедливого мира, представляющая в трех тематических измерениях, с точки зрения автора статьи, вновь способна стать мотивирующим смыслом.

***Ключевые слова:** вечные ценности, коммунизм, фашизм, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Советский Союз, духовные смыслы, исторические вызовы, идеальное, справедливый мир.*

Угрин Иван Михайлович – кандидат политических наук, научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН (Москва). E-mail: ivan_ugrin@mail.ru

«Я — солдат, Маршал Советского Союза, участник четырех войн, знаю, что такое война и как от нее страдают воюющие народы. Знаю и то, как наживаются на военных поставках капиталисты всех мастей и их прислужники.

Книгу я написал с единственной целью, напомнить воевавшим народам о злейшем враге человечества — фашизме, и какую угрозу представляют те, кто старается втянуть народы в новую бойню.

Призываю вас, бывшие воины и союзники по антигитлеровской коалиции, вспомнить ужасы Второй мировой войны и всеми мерами не допустить возникновения третьей мировой войны» [2].

*Маршал Советского Союза,
Г. К. Жуков*

Предисловие. В годовщину Великой Победы хочется сказать о многом, но задача философа состоит в том, чтобы сказать о том, что имеет непосредственное отношение к его профессиональной деятельности, т.е. о смыслах. Ни в коей мере не умаляя значения остальных факторов, определивших исход Второй мировой войны, обратим особое внимание на то, какие смыслы вдохновляли, поднимали людей на праведный бой и героический труд. Всякая война за родную землю и независимость своей страны имеет в основе естественный и понятный каждому мотив — любовь к Отечеству. Главная задача во время войны — отстоять независимость. «Жила бы страна родная, и нету других забот», — как поется в одной известной песне.

В мирное время любовь к Отечеству, раскрываясь в конкретных представлениях о том, что есть общественное благо, соединяя чувство и мысль, выражается вначале в стратегии развития, после — в конкретном плане социального устройства, а затем — в действиях по его реализации.

Война — это всегда исторический вызов. И если цивилизация или нация оказываются не готовы ответить на него, если принципы их общественного устройства недостаточно продуманы или неэффективно реализованы, патриотизма как чувства и настроения окажется недостаточно, чтобы выстоять. Большая

война — это не просто вызов, но и проверка на прочность, на жизнеспособность, на способность к достижению согласия и проявлению силы коллективной воли.

Война с фашистской Германией, самой мощной военной державой своего времени, обладательницей громадных — общеевропейских — промышленных и человеческих ресурсов, была не просто проверкой, но и смертельным испытанием. И только страна, выработавшая органичные для себя принципы жизнеустройства, придающая им смысл, значимый как для ее граждан, так и для всего человечества, могла одержать победу в схватке со столь сильным, умным и яростным врагом.

Вспоминая Победу, мы вспоминаем историю. И в то же время мы соотносим историю и современность. По-другому не может быть, ибо для людей, не принимавших непосредственного участия во Второй мировой войне, и, тем более, для поколения, рожденного спустя 40–50 лет после нее, все случившееся тогда — уже история. Но не та история, которая забыта, а та, которая продолжает волновать, а значит, имеет прямое отношение к происходящему здесь и сейчас. Когда нечто давно прошедшее притягивает наше внимание, мы порой ищем в нем то, чего не достает настоящему, то, что было утеряно.

Что же было утеряно поколениями постсоветской и «демократической» России? Видимо, умение побеждать. Но не только. Победа победе рознь. Есть победа ненависти. И есть победа благородного возмущения (Победа с большой буквы). Достижение благородных целей в условиях жёсткого противоборства не случается без осмысленного ответа на вопрос: а ради чего ведется борьба? Если ответ найден, то он будет пробуждать духовную силу, а не только энергию инстинкта, а значит — внутренняя основа будущей победы заложена. И вот именно это, на наш взгляд, и было утеряно. То «идеальное», которое помогает человеку преодолевать низость малодушия и возвышаться над страхом «самости», ограничивающей кругозор «своим» и «собственным».

Победа — это наша память. И в то же время Победа — это наша надежда. Надежда торжества добра над злом. Мы знаем, что в самых тяжелейших условиях, при самых трудных обстоятельствах, если не сдашься, то выдержишь и победишь. Это показали оборона Москвы, Сталинградская битва, сражение на

Курской дуге. Победа, которая далась народу огромной и страшной ценой, священна. И на войне всегда идет противостояние не только на поле брани, в непосредственном столкновении людей и военной техники, не только в скоростях и качестве промышленного производства, не только на уровне стратегического планирования и тактического маневра, но и на уровне смыслов. К этому уровню, уровню смыслов и ценностей, которые обеспечили Великую Победу, и должен, на наш взгляд, обращаться философ.

Справедливая война. Война возвышает человека не тем, что он убивает. Но тем и тогда, зачем и когда он готов пожертвовать своей жизнью, чтобы остановить убийства. Война – это встреча со смертью. Это всегда ситуация экзистенциального выбора. Если ты солдат, ты выбираешь в каждый конкретный момент во время боевых действий, как поступить, и от твоего выбора зависит, как твоя личная жизнь, так и жизнь твоих товарищей. Если ты военачальник, ты занят планированием военных операций, и от твоего выбора альтернативы ведения боевых действий зависят жизни тысяч, сотней тысяч людей.

Справедливая война – это всегда необходимость, а не желаемая действительность. Тот, кто ищет справедливости и стремится к ее осуществлению, не хочет войны, он желает справедливого мира. Фокус его стремлений в том, чтобы достичь мира на справедливых основаниях. Справедливый мир – это предмет исторического творчества, требующей духовного усилия и сознательной активности от его субъектов. Но это не данность. Война, как нечто противоречащее духовной природе человека, наоборот, выступает как реальность, в которую вовлекаешься поневоле, если она приходит извне как угроза и вызов.

Если же война навязывается субъектом (человеком, группой людей, государством, союзом государств), то этот субъект актом целенаправленной агрессии отчуждает себя от справедливости, лишаясь также и способности ее различения (как правило, не полностью, но, во всяком случае, в значительной степени). Если в мировоззрении человека или в идеологии государства ценность справедливости изначально отрицается или трактуется извращенным образом, то тем самым возникает питательная почва для распространения агрессии. Принцип справедливости подразу-

мевают ограничение насилия, разнузданной физической силы ради свободного развития личности и благополучия общества.

Поверх всех спекуляций вокруг понятия справедливости стоит знание справедливого, основанное на прямом опыте и живом чувстве, которое обнаруживает себя в конкретной ситуации. Для его характеристики вполне уместно употребить термин «чувство-знание» [8]. Такого рода чувство-знание не сводимо ни к абстрактного логическому размышлению, ни к эмоциональному переживанию. Для русского человека всегда было характерно представление о том, что «правда есть», притом не только как теоретическая истина, но и как практическая «правда», понимаемая в нравственном отношении как воля к смыслу [11].

«Жить по правде» – таков этический идеал, закрепленный в нашей традиционной культуре [15]. Однако, претворение его невозможно без противоборства с «кривдой», т.е. с ложью, «неправдой». Как же отличить правду от кривды? Для этого нужен развитый навык чувства-знания. Его развитие в духовных школах мировых религий связывается с открытием и расширением сердца, т.е. высших чувственных способностей человека [6]. Там, где инстинкт будет смущать, а разум молчать, сердце будет знать.

Чувство-знание и есть не что иное, как знание сердца. Ещё у древних греков можно встретить слово «кардиогносия» (от греческих слов *kardia* – сердце и *gnosis* – знание). Значительно позже эту традицию словоупотребления использовали в своих трудах русские философы Г.С. Сковорода и П.Д. Юркевич. Они считали, что путь к познанию лежит через сердце, которому ведомо откровение истины. Сердечное знание – это интуитивное знание, проникающее в самую суть мира.

Так и вопрос о справедливости той или иной войны не решается только посредством анализа исторической информации или простого сопоставления доводов соперников или путем апелляции к юридической стороне дела. Без опоры на чувство-знание или, говоря иначе, интуицию сердца («сердечное знание») справедливость или несправедливость того или иного социального акта будет неочевидна. Особенно трудно различение там, где имеется разветвлённая сеть множества причин, которая приводит к военным действиям. Но и тогда интуиция сердца подсказывает, где правда.

Однако если сама идея справедливости лишена внутреннего содержания, если искусство распознавания добра и зла отвергнуто как бесполезное, увидеть правду жизни становится предельно сложно или даже невозможно. Эта одна из главных причин того, что в современности, в так называемых «развитых» странах реабилитация фашизма даже не распознается как таковая, ибо прежде была широко распространена парадигма тотальной относительности добра и зла, праведного и неправедного. Реабилитация фашизма в новых формах не случайна — она следствие потери нравственных ориентиров нынешних поколений людей на Западе.

Возрастание зла, обретение им мощи начинается с терпимого, попустительского отношения к нему. Зло, так же как и добро, обладает своей метафизической глубиной, хотя оно и не достигает последних глубин, т.е. абсолютного. Однако если мы недооцениваем силу зла, его приспособляемость к любым историческим условиям и общественным порядкам, мы своим безразличием открываем ему путь. Если же мы утверждаем, что зла как реальности нет, или, что то же самое, что оно относительно и зависит только от личных интерпретаций, мы даем ему полный «карт-бланш». И, конечно, оно не замедлит с тем, чтобы воспользоваться ситуацией.

Такое отношение ко злу нехарактерно для российской цивилизации. Во все эпохи до последнего времени (точка отсчета которого приходится на 1991 год) в российской культуре преобладали императивы, не позволявшие коллективному сознанию опуститься до состояния безразличия и к откровенному злу. И важно понимать, что проблема зла ныне все та же, что была восемьдесят, сто восемьдесят и восемьсот лет назад. И решается она так же.

Государство, которое стремится обойти эту проблему, отделив этическое от политического, оказывается «рыхлым», лишенным витальности [14]. Оно оказывается в руках не тех, кого избрали, а тех, кто «реально» готов властвовать, будь-то транснациональные корпорации, агенты спецслужб или криминальные элементы. Почему так происходит? Потому что начало власти есть производное от волевого начала человека, безвольный лидер не способен править, равно как и безвольный народ не способен вести самостоятельную жизнедеятельность. Тот, кто не

способен проявить силу воли в отстаивании своих жизненных интересов, в достижении поставленных целей, оказывается проигравшем.

Особенно ясно эта закономерность видна в политической сфере. Государственная власть, которая охраняет закон, оставаясь безотносительной к тому, справедлив он или нет, рано или поздно оказывается заложником тех, для кого «справедливости» нет, тех, кому известны только понуждения собственной «похоти» в буквальном смысле этого слова, т.е. жить «по хотению», «по тому, как хочется», а не как должно.

«Жизнь по правде» (по долгу чести) и «жизнь по похоти» (как приятно и хочется) — это две противоположные интенции, которые борются в душе каждого человека. Однако общество оказывается нежизнеспособным тогда, когда люди с ведущим началом «жить по похоти» становятся лидерами общественного мнения и занимают ключевые государственные посты. Это происходит потому, что они не способны серьезно думать об общем благе и ставить должное выше желаемого, они привыкли жить «по хотению», «как хочется». Возрождение идеи справедливой власти есть возвращение к тому, чтобы понимать власть не просто как административную функцию, но, прежде всего, как долг, который обладающий властью правитель несет и перед людьми, избравшими его, и перед высшим началом, которое он распознает внутри себя, — перед Богом, Небом или Историей (в зависимости от особенностей мировоззрения и индивидуальной веры).

«Война есть продолжение политики иными средствами», — говорил Карл фон Клаузевиц [4]. Но если нет справедливой политики, то нет и справедливой войны. Всякая война тогда есть просто трагедия и беда. И в ней уже не найти этического содержания и экзистенциального смысла. И всякое государство тогда есть просто механизм принуждения, толкающий солдат на бессмысленную бойню. Мы знаем, что это не так. Что не напрасно сражались наши деды с нацизмом и его приспешниками, и что заплаченная цена, какой бы большой она ни была, имеет оправдание. В том хотя бы, что мы появились на свет. Но не только в этом. И не только для нас.

Победа над фашизмом не только остановила беспрецедентное по своему масштабу и претензиям зло, не только спасла

советских людей от уничтожения и уничижения (как известно, доктрина геноцида русских и других народов СССР была документально закреплена в плане «Ост»), но и весь мир сделала более справедливым. Не было бы свободной Европы без победы СССР над Третьим Рейхом. Самостоятельное по-настоящему независимое развитие таких государств-цивилизаций, как Китай и Индия начинается вскоре после завершения Второй мировой войны. К долгоиграющим последствиям Великой Победы относится и разрушение старой колониальной системы, освобождение народов Азии и Африки и обретение ими государственного суверенитета, образование более 100 новых государств (см. прим. 1).

Справедливый мир. Русский коммунизм – это стремление воплотить мечту человечества о справедливом мире. Когда свершалась революция (да и после), не многие читали Маркса, но большинство жаждало справедливости. Ее жаждал народ, ее жаждала интеллигенция. Верно подметил Н.А. Бердяев. «В коммунизм вошли знакомые черты русской интеллигенции: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному мирозерцанию и целостному отношению к жизни...» [1, 100]. Марксизм был целостен, это привлекало, и дело не в том, насколько истинной была его доктрина, а в том, что общее направление мысли Маркса, равно как ее революционный настрой нашли соответствие в настроениях возмущённых народов Российской Жимперии, искавших выхода из исторического лабиринта накопленных противоречий.

Скажем по-другому. Та часть истины, та правда, которая была в марксизме, оказалась востребованной и потому принятой, как бы ни была она ограничена при этом собственными догмами, практически неизбежными для любой массовой идеологии. Поверх этих догм была мечта о справедливом мире. Человек, верящий в то, о чём мечтает и чем живет, готов на многое, в т.ч. на большие жертвы и великие подвиги. И потому русский коммунизм жил и был полон энергии.

Не понять этого – значит не понять природы советского государства. Как и любое другое государство, оно могло творить

неправду и зло. Но наряду с этим оно созидало справедливое и должное, в т.ч. боролось с безграмотностью, искореняло беспризорность, проводила электрификацию страны, строило фабрики и заводы, создавала научные институты, обеспечивало жильем малоимущих, последовательно повышало уровень и качество образованности населения, развивала национальные культуры и языки [3]. Стремление к справедливому мироустройству было встроено в культурный код советского народа.

Три ключевых проблемы, создавших революционную ситуацию в начале XX столетия, а именно: вопрос о собственности, и в особенности, о земле, национальный вопрос и вопрос о власти – были решены так, как того требовала народная (по сути крестьянская) совесть. Земля должна принадлежать народу – тем, кто трудится на ней. Частная собственность на средства производства упразднена в пользу трудящихся. Управлять землей, финансами и производственной собственностью надлежало теперь народу.

Национальный вопрос решается согласно принципу интернационализма, обратившемуся в понятную для всех идею дружбы народов, которая отчасти к тому времени уже успела сложиться (хотя, конечно, как это бывает и между друзьями, отношения между народами не всегда были гладкими). Старая социальная структура рушится и на ее месте образуется новая, предполагающая строительство бесклассового общества. Властная иерархия в СССР, конечно, была, но принципы отбора в элиту не имели отношения к классовому принципу имущественного ценза, который де-факто (гласно или не гласно) присутствовал во всех капиталистических странах.

И всё это отвечало народным представлениям о должном. Принцип демократического централизма, выдвинутый В.И. Лениным в качестве принципа организации партии РСДРП (б), на протяжении веков существовал в крестьянских общинах. Собственность было общей, общинной. Власть выбиралась мирским сходом (демократизм). Но полномочия старосты не оспаривались и его решения исполняли (централизм).

Принципы советского государства в полной мере отвечали народным чаяниям, ожиданиям со стороны большинства населения Советского Союза. Вопрос о том, в какой мере деклари-

руемые принципы были осуществлены, а в какой искажены, вызывает и будет вызывать споры как между профессиональными историками, так и непрофессиональными любителями истории. Однако тот факт, что в самих принципах была идеалистическая составляющая, раскрывающая идею социальной справедливости в подходящей для своего времени системе понятий, не вызывает сомнения.

Фашизм же постулировал прямо противоположные принципы. Равенство людей отвергается кардинально. Есть высшая раса, раса господ, и есть остальные, среди которых находятся и таковые, которые подлежат уничтожению. Если коммунизм в каждом человеке видит свободного творца, для раскрытия потенциала которого необходима социальная революция и упразднение государства как института классового господства, то фашизм делит людей на сильных и слабых, тех, кто способен господствовать и тех, кто обязан подчиняться. Национальный вопрос решается однозначно — в пользу «ариев», расы, от которой произошли германские народы. Между господами и рабами могут быть только отношения иерархического подчинения, мысль о дружбе или, тем более, о братстве народов не допустима. Частная собственность и частные банки не упраздняются, хотя и находятся под контролем государства, которое в свою очередь контролируется фашистской партией и лично фюрером, олицетворяющим собой архетип идеального «арийца». Тема творческого начала человека заменяется темой агрессивной воли и опровергающего всякие моральные нормы напора на пути к осуществлению идеи господства.

Нетрудно проследить, что по основным вопросам общественного сознания коммунистическая и нацистская идеология дают диаметрально противоположные ответы. Антигуманистический характер нацистской идеологии хорошо изучен и описан. Если коммунизм вырастает из чувства справедливости и мысли о гармоничном развитии человека и общества вне национального разделения, то нацизм вырастает из чувства коллективной обиды проигравшей войну нации и желания отомстить посредством захвата новых территорий, так называемого «жизненного пространства», и осуществления господства над коренными этносами этих территорий. Ещё раз подчёркиваем, что коммунизм —

это мечта о справедливом мире для всех, тогда как фашизм — это практика возвышения одного народа за счет остальных.

В этом ракурсе победа над фашизмом это также метафизическая победа правды над ложью, добра над злом. И вне метафизического контекста мы не поймём значения случившегося и причин того, почему эта победа обладает такой ценностью для народов, которые понесли главные тяготы войны. Борьба шла не только за возможность жить, продолжать свое историческое существование, но и за мир в целом, за человечность как атрибут этого мира, за справедливость как его качественную характеристику.

Конечно, о справедливом мире как реализованной действительности можно говорить лишь в относительной приближенности. Путь к нему не прост, он не обходится без блужданий и ошибок. Справедливый мир — это перспектива, идеал. Но разнuzданное зло, попирающее всякое право и насаждающее свою власть всеми доступными средствами, как показал опыт Второй мировой войны, — это осязаемая реальность. И тот, кто не обладает волей к осуществлению идеального (справедливого) мира, не имеет экзистенциального смысла борьбы, оказывается беспомощен перед натиском силы, уничтожающей не только высокую культуру, но и вообще всё человеческое, свободную и разумную жизнь как таковую.

Смыслы Великой Победы и современная эпоха. Каковы же характерные черты XXI столетия, в котором мы оказались благодаря Победе, добытой нашими великими предками? Мы видим, что националистические идеологии опять обретают популярность. «История ничему не учит, но лишь наказывает за невыученные уроки», — полагал В.О. Ключевский [5]. Быть может, история и не учит, но те, кто помнит свою историю и хочет учиться, обязан делать правильные выводы. Главный вывод, который российское общество сделало (представляется, что это действительно так, хотя еще совсем недавно в России существовали протонацистские молодежные организации) заключается в том, чтобы ни при каких обстоятельствах не допустить возрождения нацизма в том или ином виде. Как внутри страны, так и вблизи от своих границ.

Мы также видим, что классовое расслоение внутри глобального человечества возрастает, а не сокращается. Количество бед-

ных в абсолютном выражении с каждым годом только увеличивается (по данным Всемирного банка на июль 2025 г. в условиях крайней нищеты живет 808 млн. человек), богатые при этом становятся богаче.

Всеобщий закон капиталистического накопления по-прежнему действует. Напомним его формулировку. «Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, то есть на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал» [7, 603]. Однако поляризация теперь происходит не только и не столько внутри отдельно взятой страны, сколько в масштабах всего человечества и связана с неравномерным обменом стоимостями или, точнее, ценностями (если использовать другой и, на наш взгляд, более точный перевод слова «wert») между представителями транснационального капитала и населением национальных государств. Национализм выгоден транснациональному капиталу тем, что он создает противоречия между государствами, способными ему противостоять, и, сталкивая их, лишает ресурсов, необходимых для такого противостояния.

Очевидно, что войны выгодны в первую очередь тем, кто делает на них деньги. Война, во-первых, способна ослабить конкурента, если ты не принимаешь в ней прямого участия, во-вторых, пополнить бюджет, если ты являешься поставщиком оружия одной из сторон (в некоторых случаях обеим сразу). В этом смысле война — естественное продолжение борьбы крупного транснационального капитала, как минимум, за сохранение собственных позиций и, как максимум, за поглощение им национальных капиталов развивающихся стран. Государство США в данном случае — политический институт, без использования которого представители транснационального капитала не могли бы достигать поставленных задач. Национальные интересы США, понимаемые как интересы обычных американцев, учитываются при проведении внешнеполитических и военных акций США в такой же малой степени, как и интересы граждан других стран.

Отказываясь признавать такую логику интерпретации происходящих событий (а она, надо сказать, достаточно легко про-

смачивается для вдумчивого человека), мы лишаем себя научно обоснованной методологии, позволяющей проследить закономерность действий глобальных акторов. Признать данную логику, значит признать хотя бы частичную правду марксизма и его прогностической потенциал как научной теории, т.е. признать то, что тотальная декоммунизация и отказ от всех без исключения постулатов теории Маркса были ошибочными и слишком поспешными действиями.

Приемлемо ли такое признание для современной капиталистической России? Полагаем, что вполне приемлемо. Если же мы не ставим вопроса о несправедливости капитализма как такового, в его эксплуататорской и милитаристской сущности, не стремимся решить проблему собственности с опорой на представление об общем благе, мы лишаем тему справедливости реального содержания. И речь идёт не о том, чтобы вернуться к марксизму в его советской интерпретации, а о том, чтобы не закрывать глаза на реальные противоречия цивилизационного развития.

В евразийской доктрине, к примеру, проблема собственности решается иначе, чем в марксизме. Однако и евразийцами эта проблема осознается как требующая своего решения в ключе отличном от того, как она преподносится на Западе, в странах победившей буржуазной культуры. Мы либо глупы, либо слепы, если не видим или не хотим видеть сущности проблемы, которая состоит в том, что невозможно одновременно быть процветающей капиталистической страной и противостоять центру глобального капитализма.

Движение за справедливый мир – вот достойное продолжение дела наших отцов и дедов. И дело это не может оставаться в отживших формах борьбы или сопровождаться возрождением дискредитировавших себя идеологических «клише». Конечно, оно требует творческого переосмысления и обновления прежних подходов, но оно должно жить. Иначе – будет набирать силу то, что противоположно ему, т.е. зло, которое в современном мире ничуть не слабее того, которое торжествовало во времена прихода к власти Гитлера. Но оно изменилось и сменило обличье. Научиться различать его и противостоять ему – одна из задач современного поколения. И это вопрос жизни и смерти для российской цивилизации.

Таковы духовные смыслы Великой Победы России. На протяжении веков она противостояло гегемонам, имеющим претензии на мировое господство. Ее история, культура, ресурсы и территория, а также непокорный народ, – все это в совокупности делает из России врага для западных элит, которые полагают, что смогут реализовать свой план переустройства мира с учётом своих интересов. Однако времена изменились, и главный фронт теперь проходит в головах людей. Те, кто побеждает на поле смыслов, в информационном пространстве, будут одерживать победу и в остальном.

И потому так важно признать, что идея справедливого мира имеет высокий мобилизационный и организационный потенциал. Она содержит в себе три измерения: (1) тему освобождения труда через преодоление отчуждения человека от трудового процесса и результатов его деятельности, зафиксированных в отношениях собственности, (2) тему равенства народов и неприкосновенности их права на самоопределение в условиях продолжающегося экономического и культурного сближения стран, (3) тему действительной (а не формальной) демократизации общества через преодоление зависимости власти от крупного (в особенности – финансового) капитала. Эти темы взаимосвязаны между собой. Возврата к прошлому быть не может, но опыт СССР, стремившегося построить такую социальную модель, которая разрешила бы названные темы, имеет непреходящую ценность для будущего, как с точки зрения анализа имеющихся проблем, так и с точки зрения создания альтернативных сценарий развития.

Советский народ во время Великой Отечественной войны боролся с захватчиками за свободу своей Родины, с которой, как верило большинство, связано будущее всего человечества. А значит, он боролся не только за себя, но за все человечество, за справедливый мир. И этот идеал – социальная справедливость – был не пустым звуком для фронтовиков, смело идущих в бой, для тружеников тыла, не щадящих себя в работе. Он был смыслом жизни миллионов людей. Жизнь же имеет смысл только тогда, когда ты готов отдать ее за то, что превышает ее ценность как личного достояния (см. прим. 2). У советских людей такой смысл был. Найдется ли воля к смыслу у нас, современников?

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. «Истоки и смысл русского коммунизма» // Vtoraya-literatura – URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berdyayev_istoki_i_smysl_russkogo_kommunizma_1955_ocr.pdf (дата обращения: 03.11.2025).
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: Вече, 2023 – 640 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. – М.: Родина, 2019 – 1280 с.
4. Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо; СПб., Мидгард, 2007 – 861 с.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. – М.: Альфа-книга, 2011 – 1197 с.
6. Лебеденко А.А. Философия сердца в истории русской религиозно-философской мысли XI-XX веков: диссертация кандидата философских наук. – М., 2010 – 194 с.
7. Маркс К. Капитал. Том 1. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т.7 – М.: «Политиздат», 1987 – 811 с.
8. Мороз Т.И. Чувствознание и его роль в познании: диссертация кандидата философских наук. – Кемерово, 2005 – 197 с.
9. Моисеев М.А. Всемирно-историческое значение победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов над нацистской Германией // Берегinya. 777. Сова: общество, политика, экономика – 2015 – № 2 (25) – С. 152-164.
10. Лиддел Гарт Б.Г. Вторая мировая война / Пер. с англ. Б.Г. Лиддел Гарт; Сост.: С. Переслегин, Р. Исмаилов. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003 – 938 с.
11. Франкл В. Воля к смыслу. – М. Альпина-нон-фикшн, 2020. – 228 с.
12. Франкл В. Скажи жизни «Да!»: Психолог в концлагере. – М. Альпина-нон-фикшн, 2020. – 237 с.
13. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Энциклопедия. / Гл. ред. М.М. Козлов. Редколлегия: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин (зам. гл. ред.), В. И. Канатов (отв. секретарь) и др. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.
14. Нравственное государство как императив государственной эволюции: материалы Всеросс. науч. конф., 27 мая 2011 г. – М.: Научный эксперт, 2011. – 504 с.
15. Основы российской государственности и культуры: учебное пособие / А. А. Горелов, Т. А. Горелова, О. О. Хлопонина. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2024. – 256 с.

Примечания

1. За первые 15 лет после окончания войны на политической карте мира появились 22 новые независимые страны. В последующие десятилетия их число продолжало расти. Если к началу Второй мировой войны в рамках колониальной системы находилось 69% населения и 77% территории земного шара, то к середине 70-х эти показатели составили соответственно 0,2 и 0,5% [9].
2. О том, как именно такое отношение жизни через придание ей высшего смысла помогает преодолеть тяжелейшие испытания, повествует книга австрийского психолога и мыслителя Виктора Франкла, прошедшего через заключение в нацистском концлагере Терезиенштадт в 1942-1945 гг. На русском книга называется «Скажи жизни «Да!»: Психолог в концлагере» [12].

I.M. Ugrin

THE IDEA OF A JUST WORLD AND THE SPIRITUAL MEANINGS OF THE GREAT VICTORY

Ugrin Ivan Mikhailovich – PhD in Political Science, Research Fellow in the Philosophical Problems of Politics Sector at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow). Email: ivan_ugrin@mail.ru

Abstract: *This article presents a philosophical analysis of the idea of a just peace in the context of the confrontation between the USSR and Nazi Germany, as one of the spiritual resources of the great victory of the Soviet people. Justice is viewed as one of the values that allows for meaning to be found in a situation of extremely acute existential choice. Patriotism and the value of justice are considered to be closely interconnected. A just peace is simultaneously both an ideal and a reality discovered in the process of achieving the ideal. An idea capable of setting a major vector for the historical movement of nations, as communism previously served, is not only possible but also necessary in modern times. New victories and new successes cannot be achieved without the return of the ideal, the loss of which is tantamount to the loss of humanity. Given the challenges facing Russian civilization, the author believes that the idea of a just peace, presented in three thematic dimensions, can once again become a motivating meaning.*

Keywords: *eternal values, communism, fascism, World War II, Great Patriotic War, Soviet Union, spiritual meanings, historical challenges, ideal, just world.*

REFERENCES

1. Berdyayev N.A. «Istoki i smysl russkogo kommunizma» // Vtoraya-literatura – URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/berdyayev_istoki_i_smysl_russkogo_kommunizma_1955_ocr.pdf (data obrashcheniya: 03.11.2025).
2. Zhukov G.K. Vospominaniya i razmyshleniya. – M.: Veche, 2023 – 640 s.
3. Kara-Murza S.G. Sovetskaya tsivilizatsiya. – M.: Rodina, 2019 – 1280 s.
4. Klauzevits K. «O voyne». – M.: Eksmo; SPb., Midgard, 2007 – 861 s.
5. Klyuchevskiy V.O. Kurs russkoy istorii. – M.: Al'fa-kniga, 2011 – 1197 s.
6. Lebedenko A.A. Filosofiya serdtsa v istorii russkoy religiozno-filosofskoy mysli XI-XX vekov: dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk. – M., 2010 – 194 s.
7. Marks K. Kapital. Tom 1. Izbrannyye sochineniya. V 9-ti t. T.7 – M.: «Politizdat», 1987 – 811 s.
8. Moroz T.I. Chuvstvoznaniye i yego rol' v poznanii: dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk. – Kemerovo, 2005 – 197 s.
9. Moiseyev M.A. Vsemirno-istoricheskoye znacheneye pobedy sovetskogo naroda v Velikoy otechestvennoy voyne 1941-1945 goda nad natsistkoy Germaniyey // Bereginya. 777. Sova: obshchestvo, politika, ekonomika – 2015 – № 2 (25) – S. 152-164.
10. Liddel Gart B.G. Vtoraya mirovaya voyna: Per. s angl. / B.G. Liddel Gart; Sost.: S. Pereslegin, R. Ismailov. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST»; SPb.: Terra Fantastica, 2003 – 938 s.

11. Frankl V. Volya k smyslu. – M. Al'pina-non-fikshn, 2020. – 228 s.
12. Frankl V. Skazhi zhizni «Da!»: Psikholog v kontslagere. – M. Al'pina-non-fikshn, 2020. – 237 s.
13. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941-1945: entsiklopediya. / Gl. red. M. M. Kozlov. Redkollegiya: Yu. Ya. Barabash, P. A. Zhilin (zam. gl. red.), V. I. Kanatov (otv. sekretar') i dr. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1985. – 832 s.
14. Nravstvennoye gosudarstvo kak imperativ gosudarstvennoy evolyutsii: materialy Vseross. nauch. konf., 27 maya 2011 g. – M.: Nauchnyy ekspert, 2011. – 504 s.
15. Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti i kul'tury: uchebnoye posobiye / A. A. Gorelov, T. A. Gorelova, O. O. Khloponina. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2024. – 256 s.

Поступила в редакцию 07.10.25 г.